

НЕКРАСОВ В РУССКОЙ КРИТИКЕ

9 62
539

ин/оф

—

9
62
539

1-64
9
5832

НЕКРАСОВ В РУССКОЙ КРИТИКЕ

СОСТАВИЛ А. ЕГОЛИН

ОГИЗ

Государственное издательство
художественной литературы

1944

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Н. А. НЕКРАСОВ

(К 25-летию его смерти)¹

Наш гениальный критик В. Г. Белинский писал одному из своих московских друзей о Некрасове: «Что за талант у этого человека, и что за топор его талант!» Эта восторженная похвала не лишена некоторой двусмысленности. Топор—очень полезное орудие труда: он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, обыкновенно не изящны; недаром мы говорим: «топорная работа». И надо признать, что произведения Некрасова часто представляют собой именно такую работу. Я помню, как однажды, заспорив со мной о «Русских женщинах», покойный Всеволод Гаршин, очень невысоко ставивший поэтический талант Некрасова и резко осуждавший тогда (в годы студенчества) «тенденциозность» его поэзии, с насмешкой продекламировал:

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок...

Несмотря на всё своё пристрастие к поэту «мести и печали», я вынужден был согласиться, что «возок» плохо рифмуется с «легок». Некрасов, наверно, и сам чувствовал, что тут дело идёт не совсем ладно; однако он не только не смущился этим, но несколько ниже повторил:

Покоен, прочен и легок
Катится городом возок...

Подобные антиэстетические погрешности у Некрасова попадаются на каждом шагу. Его стих не гладок или, как он сам характеризовал его, тяжёл и неуклюж. Его язык редко бывает звучен. Людям, воспитанным в эстетических преданиях сороковых годов и избалованным роскошной музыкой стихов Пушкина и Лермонтова, должны были резать ухо шипящие звуки вроде вот этих:

От ликующих, праздно болтающих
Обагрлющих руки в крови,
Уведи меня в стан побивающих... и т. д.

¹ Статья впервые напечатана в Женеве в издании «Заграниценной лиги русской революционной социал-демократии» (1903); в России с цензурированными изъятиями была перепечатана в сборнике статей Плеханова «За двадцать лет» (изд. 1-е, 1905; изд. 3-е, 1909). Здесь перепечатывается с небольшими сокращениями по изданию «Сочинений» Г. В. Плеханова, т. X, М.—Л. 1925.

Это очень неблагозвучно. Но это ещё только полбеды; это касается только стиха, т. е. *внешности*, так сказать, *поверхности* поэтического произведения. Беда заключается в том, что стихотворения Некрасова очень часто не удовлетворяют художественным требованиям *даже по своему внутреннему строению*. Для примера я укажу на одно из самых знаменитых и, по-своему, самых замечательных его произведений—на «Размышления у парадного подъезда». Вспомните это место:

А владелец роскошных палат
Ещё сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть ещё наслаждение:
Вороти их! В тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...
Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Ненсходное горе в сердцах...

Это благородно и красноречиво; но, к сожалению, это не более, как *красноречивая проза* (злые языки говорили: *риторика*). Поэзии тут нет никакой, и потому всё это место, так сильно заставлявшее биться тысячи и тысячи русских сердец (и тем убедительно доказавшее, что в нём была не одна «риторика»), не только не украшает стихотворения, а прямо портит его и было бы гораздо уместнее в статье или—ещё лучше—в *rечи*. Прозаический элемент вообще был очень силён в поэзии Некрасова, что и подало повод называть её *тенденциозной*. Но дело тут собственно не в тенденциозности, а просто в том, что поэтический талант Некрасова был недостаточно силён и—это, может быть, главное—недостаточно пластичен¹. Повторяю, топор представляет собою очень полезное орудие труда, но топорная отделка оставляет желать лучшего.

А в пользу, принесённой нашему общественному самосознанию «топорным» талантом Некрасова, теперь уже нельзя сомневаться и почти бесполезно о ней распространяться. Некрасов явился поэтическим выразителем целой эпохи нашего общественного развития. Эта эпоха начинается выступлением на нашу историческую

¹ Под тенденциозностью чаще всего понимают искажение действительности в угоду предвзятой идеи. Такой тенденциозности в поэзии Некрасова совсем не было (если не считать некоторых «неверных звуков», вырванных у него музами тяжёлыми политическими условиями России, которым он по временам подчинялся больше, чем это было позволительно даже с точки зрения мирного обывателя). Но иногда на счёт тенденциозности относят то, что объясняется именно недостаточной пластичностью поэтического дарования. Человек не справляется со своими поэтическими образами, и потому в его стихотворение врывается проза. Это большой недостаток. Но происходит он часто не от желания искажать действительность, и к тому же сам по себе он вовсе не ведёт к её искажению; проза не значит *ложь*: прозаическое описание может быть вполне точно. (Прим. Плеханова.)

сцену образованного разночинца («интеллигенции» тож) и оканчивается появлением на этой сцене рабочего класса, пролетариата в настоящем смысле этого слова. Кто интересуется нравственным и идеяным содержанием этой замечательной эпохи, тот найдёт в поэзии Некрасова богатейший материал для его характеристики. [...]

Изображению народного горя посвящены все его наиболее известные произведения. А на дворянские гнёзда эти произведения проливают совсем-таки непривлекательный свет. Уже в одном из самых ранних своих стихотворений, именно в так сильно нравившемся Белинскому стихотворении «Родина», Некрасов говорит:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пирам, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житию последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно прятая,
Где иногда бывал помещиком и я...

Это стихотворение, написанное ещё в 1846 г., ясно определяет нам ту точку зрения, с которой Некрасов смотрит на наш старый помещичий быт. Хотя он сам был дворянского происхождения, но у него нет уже и следа идеализации дворянской жизни: он глядит на неё глазами протестующего разночинца. Она повернулась к нему своей отрицательной стороной, ярко выставив перед ним противоречие интересов «благородных» эксплоататоров с интересами эксплуатируемой «черни». Если поэт и вспоминает иногда о своей принадлежности к «благородному» сословию, то лишь затем, чтобы упрекнуть себя за те периоды нравственной слабости, в течение которых он, постыдно затаив «ненависть» в своей душе, сам бывал помещиком. Впечатления юных лет не оставили ничего отрадного в его душе и до краёв наполнили её враждою к крепостному порядку:

Нет! В юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легко неотразимым,—
Всему начало здесь, в краю моём родимом!..
И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен тёмный бор,—
В томящий летний зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над высохшим ручьём,
И на бок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звуку чаши гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

Я сказал, что кого интересует идеяное и нравственное содержание эпохи образованного разночинца, тот непременно должен

обратиться к поэзии Некрасова. И в самом деле, приведённый отрывок, — а я мог бы привести много таких отрывков, — представляет собой интересный образчик той психологии нового, только что нарождавшегося тогда общественного слоя, не поняв которой, мы не поймём ни так резко обнаружившегося впоследствии разрыва «детей» с «отцами», ни добролюбовских нападков на *самодуров*, ни даже писаревского «разрушения эстетики». Все эти многообразные черты одной и той же физиономии выражают собою одно и то же настроение и все они коренятся в том резко отрицательном отношении к нашему крепостному порядку, которым насквозь пропитана поэзия Некрасова. Заметьте, что отрижение не ограничивается в ней одним только крепостным правом или вообще одним помещичьим бытом. Нет, образованный, разночинец отрицает и ненавидит всю совокупность общественных отношений, выросшую на почве закрепощения крестьянина. Он враждебен дворянству; но и чиновничество не заслуживает пощады в его глазах. Он видит в чиновнике лишь другую, более прожорливую и низкопоклонную разновидность эксплоататора. Некрасов клеймит его в своей полной беспощадного сарказма «Колыбельной песне»:

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Передового разночинца не привлекает к себе служебная карьера. Если ещё Чацкий находил, что служить значит прислуживаться, то теперь передовая «интеллигенция» видит в службе школу полнейшего нравственного развращения:

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картино
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Политическая идея строя, выросшего на крепостной основе и, к сожалению, до сих пор не отошедшего в область исторического воспоминания, состояла и состоит в том, что мозгом страны является бюрократия, которая ведает все общественные нужды и удовлетворяет их в той мере, в какой признаёт их законными. Обывателям остаётся при этом ведать лишь свои частные нужды, вовсе не мешаясь в дела общественные или мешаясь в них лишь постольку, поскольку это разрешено благодетельной и предусмотрительной бюрократией. Обыватель, в котором пробуждается сознание обязанностей гражданина, до сих пор считается неблаго-

надёжным и нередко попадает в места довольно «отдалённые». В стране неограниченной власти бюрократии и безграничного произвола администрации гражданам нечего делать. Такова теория. Правда, практика давно перестала соответствовать ей в том смысле, что уже с конца XVIII в. в России появляются люди, стремления которых резко противоречат казённому идеалу. Новиков, Радищев, декабристы, Герцен, Огарёв, Белинский, петрашевцы умели смотреть несравненно дальше узкого круга своих домашних интересов и ни за что не хотели «позорить гражданина сан». Но пока старый порядок ещё не был расшатан неудержимым ходом экономического развития, эти «странные» люди представляли собою чрезвычайно отрадное, но очень редкое исключение, были теми одинокими ласточками, которые не делали весны и сами задыхались в тяжёлой атмосфере всеобщей спячки. «Зачем мы проснулись!» — с отчаянием восклицает Герцен в своём дневнике.

Только когда экономическое развитие расшатало основы крепостного порядка и выдвинуло на нашу историческую сцену целый слой образованных разночинцев, только тогда началось у нас почти непрерывное общественное движение во имя более или менее прогрессивных, более или менее широких гражданских идеалов. Чем более препятствий встречалось на пути этого движения, тем решительнее выбивались его участники из колеи обыденных житейских занятий и тем очевиднее становилось для них, что их житейская специальность заключается в том, чтобы вовсе не иметь никакой житейской специальности, кроме специальности гражданина-борца за лучшее будущее своей страны. Некрасову делает очень большую честь то обстоятельство, что он, который сам борцом никогда не был, своим поэтическим чутьём понял психологию нового общественного типа. Уже в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856) мы встречаем у него следующие выразительные строки:

Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам гражданин!
Но где же они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? Отклиknись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!!.

До какой степени самому Некрасову не был чужд могучий идеал гражданина, показывает другое место того же стихотворения:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холoden душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,

За убежденье, за любовь..
Иди и гибни безупречно.
Умрёшь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

В другом месте, обращаясь к матери, которая грустно задумалась об участии, ожидающей её трёх отроков-сыновей, поэт говорит:

Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

Тут поэзия Некрасова, никогда не бывшего революционером, становится революционной поэзией, и не удивительно, что отрывки, подобные только что приведённому, заучивались наизусть русскими передовыми людьми. Такие отрывки нисколько не утратили своего значения до настоящего времени и не утратят его до тех пор, пока передовое человечество останется вынужденным тяжёлою борьбой пролагать себе дорогу к своему идеалу. А оно, как видно, ещё не скоро избавится от этой необходимости, потому что обещанного «критиками марксизма» притупления общественных противоречий что-то нигде не заметно.

Каковы же те убеждения, за которые гражданин должен идти в огонь и, если понадобится, пролить свою кровь? В поэтических произведениях вообще странно было бы искать точно формулированных социально-политических требований. Но, выражая стремления передового русского разночинца, поэзия Некрасова всё-таки ставит перед гражданином довольно определённую общественную задачу. Задача эта заключается в избавлении русского народа от многообразного гнёта, наложенного на него нашим старым, как я уже сказал, до сих пор ещё далеко не совсем устранившимся, крепостным порядком. Как представлялось Некрасову положение русского народа, хорошо видно из цитированного уже мною стихотворения «Размышления у парадного подъезда»:

..... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видел,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стоял.
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не разд;

Стонет в каждом глухом городишке,
У подъездов судов и палат.

Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовётся:
То бурлаки идут бичевой.

Волга! Волга! весной многоводной

Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля.
Где народ, там и стон...

В служении этому несчастному народу, в борьбе с порабощающей и угнетающей его «неправдою лукавой» и заключается первая обязанность гражданина, первый долг мыслящего сына земли, не могущего «глядеть спокойно на горе матери родной»:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода —
Прежде всего!

Это служение угнетённому народу, эта борьба за его освобождение составляет не только нравственную обязанность, но также и непреодолимую потребность честного и мыслящего человека:

Зрешище бедствий народных
Невыносимо, мой друг,
Счастье умов благородных —
Видеть довольство вокруг...

Совершенно так думала вся та самоотверженная «интеллигенция», которая уже с конца пятидесятых годов спрашивала себя: «что делать?» для того, чтобы вывести народ из его тяжёлого положения, и для которой этот проклятый вопрос поныне остаётся самым жгучим, самым «проклятым» из всех вопросов. Ввиду этого делается совершенно понятно, почему эта интеллигенция не только зачитывалась стихами Некрасова, но и ставила его талант выше таланта Пушкина и Лермонтова: он давал поэтическое выражение её собственным общественным стремлениям: его «муза мести и печали» была её *собственной музой*.

В своём предисловии к русскому переводу романа фон Поленца¹ «Крестьянин» гр. Л. Толстой высказывает сожаление о том, что за последние 50 лет сильно понизился вкус и здравый смысл русской читающей публики. «Проследить можно это положение по всем отраслям литературы, — говорит он, — но укажу только на некоторые, более заметные и мне знакомые примеры. В русской поэзии, например, после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит к весьма сомнительным поэтам: Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишённому поэтического дара Некрасову, потом к искусственно и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину, а потом уже всё мешается, и являются стихотворцы, им же имя легион, которые даже не знают, что такое поэзия и что значит то, что они пишут, и зачем они пишут».

¹ Поленц В. (1861—1903) — немецкий писатель, автор натуралистического романа-трилогии о жизни крестьянства, разоряемого капитализмом. В 1898 г. Толстой написал сочувственное предисловие к русскому переводу романа Поленца.

Я не стану отмечать все неточности, содержащиеся в этом отрывке. Здесь, как и во всех суждениях гр. Л. Толстого, слишком много прямолинейности и отвлечённости. Его слова интересуют меня теперь, однако, лишь в той мере, в какой они касаются Некрасова. Но с этой своей стороны они очень поучительны. Сказать, что Некрасов совершенно лишен поэтического дара, значит высказать мысль, ошибочность которой вполне очевидна. Хотя почти каждое стихотворение Некрасова в целом отличается — как я уже указывал — более или менее значительными погрешностями против требований строгого эстетического вкуса, но зато *во многих из них* можно найти места, ярко отмеченные печатью самого несомненного таланта¹. А гр. Л. Толстой не замечает этих мест, потому что ему вообще совершенно чуждо всё настроение некрасовской музы. Его собственное умственное и нравственное развитие шло путём, не имеющим ничего общего с тем, по которому двигалось умственное и нравственное развитие русского образованного разночинца. Л. Толстой — барин до конца ногтей даже там, где он кажется революционером. В его отрицании нет ни одного атома новаторских стремлений.

Вспомните некрасовскую «Песню» из «Медвежьей охоты»:

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.
Не рыбакский парус малый,
Корабли мне снятся,
Скучно! В этой жизни вялой
Дни так долго делятся.
Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий... и т. д.

Вспомните это стихотворение и скажите, согласилась ли бы объявить его чуждым поэтического вдохновения одна из тех, до сих пор многочисленных у нас девушек, которые рвутся на простор, — куда-нибудь «на курсы», в Петербург, в Москву, за границу, — и которым приходится встречать любвеобильное, нежное, но тем труднее преодолеваемое сопротивление со стороны матерей, отцов или вообще близких лиц. Тяжело огорчать этих лиц, трудно расставаться с ними, а между тем вялая домашняя жизнь делается всё более и более нестерпимой и всё более и более величественными и привлекательными становятся образы тех «кораблей», которые носятся по «широкому раздолью» сознательной жизни и которые «снятся» молодому воображению. И вот молодая девушка начинает уверять своих близких, что только на одном из этих «кораблей» найдёт она нравственное удовлетворение и что напрасно спорят с нею дорогие ей люди, — и эти-то её речи Некрасов об-

¹ Есть у него, впрочем, и вполне безукоризненные вещи, например, хотя бы его знаменитый «Дядя Влас». (Прим. Плеханова.)

лекает в поэтическую форму: «Отпусти меня, родная!..» Как же ей не притти в восторг от его стихотворения? И как же ей не полюбить самого поэта? А у Некрасова много стихотворений, так же удачно выражавших чувства молодых разночинцев. И вот почему молодые разночинцы просто-напросто не поняли бы человека, который вздумал бы доказывать им, что Некрасов не поэт! «Предоставьте нам судить об этом», — сказали бы они такому человеку и были бы *совершенно правы*.

В доказательство того, что Некрасов своими стихотворениями будил и выражал прогрессивные стремления современной ему передовой молодежи, приведу одно воспоминание из моей личной жизни.

Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьем, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы начали строиться, мой приятель С. подошёл ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружьё и пошёл бы сражаться за русский народ!» Эти слова, произнесённые украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память: я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу».

В служении народу Некрасов видит главную задачу гражданина. Поэтому народ становится главным героем главных его произведений. Однако что же мы узнаём от него об этом его герое? Нам уже известно, что положение его крайне тяжело. Но этого нам мало. Нам хочется знать, что же делает он сам для облегчения своей участки?

На этот счёт Некрасов сообщает нам очень мало утешительного. Его народ не умеет бороться и не сознаёт необходимости борьбы. Главной отличительной чертою этого народа является *вечное терпение*. Вот что, например, пишет Некрасов в 1858 г.:

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредёт по житейской дороге
В беззасветной глубокой夜里,
Без понятия о праве, о боже,
Кто в подземной тюрьме без свечи...

Нельзя вообразить ничего безотраднее такой картины. Это — последняя степень подавленности. Такому народу только и можно пожелать что «*доброй ночи*»: проснуться он неспособен. Некра-

сову, как видно, нередко приходит эта мысль: его «Размышления у парадного подъезда» оканчиваются вопросом:

..... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно на веки почил?..

Два года спустя, в 1860 г., Некрасов в стихотворении «На Волге» рисует бурлака, который поражает его всё тем же бесконечным терпением и всё той же тупой неподвижностью мысли:

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал.
Всё ту же песню ты поёшь,
Всё ту же лямку ты несёшь,
В чертах усталого лица
Всё та же покорность без конца...

.....
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда бы ты менее терпел?..

Некрасов знает, что характеры людей складываются под влиянием окружающей их общественной среды, и нисколько не обманывает себя насчёт свойств той среды, в которой складывался русский народный характер:

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!

Впоследствии, когда «суровая среда» утратила часть своей прочности под напором «новых веяний» шестидесятых годов и когда даже самые трезвые представители радикальной интеллигенции, — например Н. Г. Чернышевский, — не чужды были самых радужных ожиданий, у Некрасова является более отрадный взгляд на русский народ. Ему уже не приходит в голову тяжёлое сомнение относительно его будущности; напротив, будущность эта рисуется его воображению в светлых красках. Он восклицает в «Железной дороге», написанной в 1864 г.:

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлёт!
Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе...

Но старые впечатления ёщё слишком живы в поэте, чтобы счастливое будущее русского народа могло представляться ему близким. Нет, оно ёщё очень, очень далеко; до него не доживёт ни сам поэт, ни даже тот мальчик Ваня, с которым он разговаривает:

Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж ни придётся — ни мне, ни тебе...

А настоящеё всё ёщё сохраняет в себе мрачные черты недавнего прошлого. Народ попрежнему поражает своим терпением:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мёрзли и мокли, болели цынгой.
Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, бояки ратники,
Мирные дети труда!

И, — тоже попрежнему, — обиравший и угнетаемый народ готов за жалкую подачку, за стакан водки чуть ли не боготворить своих притеснителей. Это, как видно, всего больнее Некрасову, и только что цитированное мною стихотворение его заканчивается безотрадной сценой:

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.
Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картино:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..
С богом теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!) —
Бочку рабочим вина выставляю.
И — недешкую дарю!..»
Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!
Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком ура! по дороге помчал...

Замечу мимоходом, что эта картина написана рукою истинного художника и что за неё одну можно простить Некрасову многие шероховатости и недостатки его «Железной дороги». Странно, как Л. Толстой мог пройти мимо такой сцены!

Семидесятые годы были у нас временем знаменитого «хождения в народ». Наша революционная интеллигенция надеялась, что её пропаганда и агитация скоро вызовут всенародное восстание. Некрасов высоко ценил самоотверженность революционеров. Из-

вестно прекрасное стихотворение, написанное им, если не ошибаюсь, после «процесса пятидесяти»¹ и начинающееся словами:

Смолкли честные, доблестию павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За нечастный народ вспиявшие...

Но по всему видно, что он ни на минуту не мог поверить в возможность широкого революционного движения в народе. В том самом стихотворении, где он с таким глубоким чувством говорит об закалённых революционерах, он называет Россию безответной страною, в которой косится всё честное и всё живое. Народное восстание, вероятно, не испугало бы его своими так называемыми ужасами. Его «великий грешник», разбойничий атаман Кудеяр, который впоследствии пошёл в монахи и на которого «некий угодник» наложил, в виде эпитимии, обязанность срубить ножом дуб в три обхвата, немедленно получил прощение грехов, когда вонзил свой нож в сердце жестокого помещика, пана Глуховского:

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло —
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясл
Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..

Однако вопрос заключается не в том, как отнёсся бы сам Некрасов к народному восстанию, а в том, возможно ли оно было при тогдашних обстоятельствах. Я сказал, что, по моему мнению, оно представлялось Некрасову совершенно немыслимым. Правда, у него выходило так, что весело и вольготно живётся в России только тем представителям радикальной интеллигенции, которые жертвуют собою для народа:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею...

Но в том-то и дело, что странники, — крестьяне разных деревень, порешившие не возвращаться домой, пока не решат, кому живётся весело-вольготно на Руси, — не знали того, что творится с Гришею, и не могли знать. Стремления нашей радикальной интеллигенции оставались неизвестны и непонятны народу. Её лучшие представители, не задумываясь, приносили себя в жертву его освобождению; а он оставался глух к их призывам и иногда готов был побивать их камнями, видя в их замыслах лишь новые козни своего наследственного врага — дворянства. И в этом за-

¹ Процесс пятидесяти — процесс революционной молодёжи, происходивший в Петербурге в 1877 г. Среди подсудимых был ткач П. А. Алексеев, произнёсший на суде замечательную речь, в которой яркими красками нарисовал положение рабочего класса и крестьянства в России после 1861 г. По этому процессу 15 человек было приговорено к каторге.

ключалась великая трагедия истории русской радикальной интеллигии. Некрасов *по-своему* переживал эту трагедию. Он, счи-тавший себя призванным воспеть страдания русского народа, грустно говорит почти накануне своей смерти:

Скоро я стану добычёю тленья,
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.
Я дворянскому нашему роду
Блеска льрой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Грустный итог! Тяжёлое сознание! И замечательно, что очень скоро после смерти Некрасова почти подобный же итог многие передовые люди увидели в результате своих просветительных усилий в крестьянстве. Некрасов умер 27 декабря 1877 г. А в конце 1879 г. тайно выходившая в России революционная газета «Народная воля» объявила, что работать в народе при настоящих условиях — значит биться, как рыба об лёд. Это было совершенно равносильно признанию того, что в конце семидесятых годов радикальная интеллигенция оставалась такою же *чуждою* народу, какой она была в ту эпоху, когда Некрасов «живь начинал».

Существующие условия делали невозможной революционную работу в народе; а без революционной работы в народе нельзя было надеяться на изменение к лучшему существующих условий, как это ясно показала неудача «Партии Народной воли», пытавшейся силами одной интеллигенции положить конец нынешнему нашему порядку вещей. Вся духовная история нашей радикальной интеллигенции сводится к усилиям разрешить это противоречие.

Теперь оно, к величайшему счастью, уже разрешено жизнью, т. е. тем самым ходом экономического развития, который сделал когда-то необходимыми реформы Александра II.

Теперь, под влиянием экономического развития, в наше «народе» появился новый класс, несравненно более чуткий, подвижной, отзывчивый и нетерпеливый, нежели то *крестьянство*, которое надрывало сердце Некрасова *своими стонами* и доводило его до отчаяния своим *долготерпением*. Этот класс, — *класс пролетариев*, — очень недвусмысленно показывает нам, что он совсем не намерен *«почтительно»* предоставить высшим классам наслаждение всеми материальными и духовными благами жизни, ничего не оставляя на свою долю, кроме тяжёлого физического труда. Русский пролетарий живёт уже не в *«безрассветной, глубокой ночи»*: он, в лице лучших представителей своего класса, уже видит яркую зарю своего освобождения. Его *«суровые очи»* не *«плачут»*: они горят *благородной* жаждой борьбы с гордым сознанием *своей силы*. Его *«уста»* не остаются *«немыми»*: они зовут на битву. И странно было бы желать ему *«доброй ночи»*, — ему, который стряхивает с себя тяжёлый сон и бодро принимается за свою великую историческую работу.

С появлением пролетариата у нас началась новая эпоха, заме-

чательная тем, что даже крестьянин не так неподвижен теперь, как был он при жизни Некрасова. Новые экономические отношения, заново переделывая нашу общественную, когда-то столь «прочную» среду, заново переделывают также и наш народный характер.

Некрасову не суждено было дожить до новой эпохи. Но если бы он дожил до неё, он увидел бы, что в современной России есть люди, которым, несмотря ни на что, живётся много веселее и гораздо вольготнее, чем жилось его Грише: эти люди — работники, пролетарии, посвятившие себя борьбе за освобождение своего класса и твёрдо убеждённые в исторической неизбежности этого освобождения.

А узнав и поняв этих, новых на Руси, людей, он, может быть, написал бы в их честь новую вдохновенную «песню», не «голодную» и не «солёную», а боевую,—русскую марсельезу, в которой попрежнему слышались бы звуки «мести», но зато звуки «печали» заменились бы звуками радостной уверенности в победе. С изменением народного характера изменился бы, может быть, и характер его музы.

Но смерть давно уже скосила Некрасова. Поэт разночинцев давно уже сошёл с литературной сцены, и нам остаётся ждать появления на ней нового поэта, поэта пролетариев.

1903.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания произведений Некрасова

Стихотворения Н. Некрасова. Посмертное издание, т. I, П. 1879 (произведения 1854—1860 гг.); т. II (произведения 1861—1872 гг.); т. III (произведения 1873—1877 гг.) и т. IV (Приложения. Примечания. Указатели). Из вышедших до революции собраний стихотворений Н. А. Некрасова это издание является лучшим.

Некрасов Н. А., Полное собрание стихотворений, редакция и примечания К. Чуковского, М.—Л. 1927, изд. 7-е, 1934 г.

Некрасов Н. А., Полное собрание сочинений, под ред. В. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского, 5 тт., М.—Л. 1929—1930.

Некрасов Н. А., Тонкий человек и другие неизданные произведения, «Федерация», М. 1928.

Некрасов Н. А., Жизнь и похождения Тихона Тросникова, М.—Л. 1931.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О НЕКРАСОВЕ

Биография

Ветринский Ч., Н. А. Некрасов в воспоминаниях — современников, письмах и несобранных произведениях, М. 1911.

Кони А. Ф., Некрасов, Достоевский по личным воспоминаниям. П. 1921.

Дейч Л., Некрасов и семидесятники, «Пролетарская революция», т. III, 1921.

Панаева А. Я., Воспоминания, «Academia», Л. 1927; 4-е изд., М.—Л. 1933.]

Анненков П. В., Литературные воспоминания, Л. 1928.

Плеханов Г. В., Похороны Некрасова (в книге «Г. В. Плеханов — литературный критик», 1933).

Бельчиков Н. Ф., Н. А. Некрасов и цензура, «Красный архив», т. I, 1922.

«Книга о революции», ежемесячный критико-библиографический журнал, № 2 (14), 1921.

Ашукин Н. С., Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, «Academia», М.—Л. 1935.

Некрасов в критике

Зайцев В. А., Стихотворения Н. Некрасова, Избранные соч., т. I, 1934.

Пыпин А. Н., Н. Некрасов. СПБ. 1905.

Евгеньев-Максимов В. Е., Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л. 1928.

Евгеньев-Максимов В. Е., Некрасов и его современники, М. 1930.

Евгеньев-Максимов В. Е., Н. А. Некрасов в кругу современников, Л. 1938.

Зелинский В., Сборник критических статей о Некрасове, I, II и III ч. изд. 2-е, 1903—1905. (В сборнике Зелинского вошли преимущественно статьи о Некрасове, появившиеся при жизни поэта.)

Розанов И. Н., Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба, П. 1924.

- Чуковский К. И., Некрасов. Статьи и материалы, изд. Кубач. Л. 1926.
- Чуковский К. И., Рассказы о Некрасове, 1930.
- Плеханов Г. В., Н. А. Некрасов, Соч., т. X, М.—Л. 1925.
- Луначарский А. В., Пушкин и Некрасов, «Известия ВЦИК», № 273, 1921.
- Луначарский А. В., Н. А. Некрасов (см. в настоящем сборнике).
- Луначарский А. В., Н. А. Некрасов и место поэта в жизни, «Революция и культура», № 1, 1928.
- Андреевский С., Некрасов, сборник «Литературные очерки», изд. З-е. СПБ. 1902.
- Слонимский А. Л., Некрасов и Маяковский, «Книга и революция», № 2 (14), 1921.
- Эйхенбаум Б. М., Некрасов, сборник «Сквозь литературу», Л. 1924.
- Тынянов Ю. Н., Стиховые формы Некрасова, сборник «Архаисты и новаторы», Л. 1929.
- Шимкевич К., Пушкин и Некрасов, в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926.
- Сакулин П. Н., Некрасов, М. 1928.
- Андреев Н. П., Фольклор в поэзии Некрасова, «Литературная учёба», № 7, 1936.
- Кубиков И. Н., Поэзия Некрасова, «Московский рабочий», 1928.
- Кубиков И. Н., Комментарий к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М. 1933.
- Степанов Н., Поэзия Некрасова, «Литературная учёба», № 3—4, 1933.
- Степанов Н., Как писал стихи Некрасов, там же.
- + Кирпотин В. Н., Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. Н. А. Некрасова, т. II, кн. 1, М. 1937.
- ✓ Кирпотин В., Творчество Некрасова, изд. «Советский писатель», 1937.
- Еголин А., Некрасов — поэт крестьянской демократии, Гослитиздат, М. 1935.
- Еголин А., Некрасов, Критико-биографический очерк, М. 1941.
- «Творчество Некрасова», сборник статей под ред. проф. А. М. Еголина, «Труды Московского института истории, философии и литературы», т. III, филологический факультет, М. 1939.

Библиографические пособия и справочники

Голубев А. Н., Н. А. Некрасов, СПБ. 1878 (дан указатель журнальной и газетной литературы о Некрасове за 1840—1878 гг., составленный С. Пономарёвым).

Лобов Л., Библиографический обзор литературы о Некрасове, СПБ. 1903.

Венгеров С. А., Источники словаря русских писателей, т. IV, П. 1917.

Балашов К. Некрасов в 1-м зале заседаний, 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

✓ В. И. Ленин о Некрасове	3 —
-------------------------------------	-----

I

✓ А. Еголин. Литературная борьба вокруг Некрасова	7 —
---	-----

II

✓ Н. Чернышевский о Некрасове	30
✓ Д. Писарев о Некрасове	55
✓ В. Зайцев. Стихотворения Н. Некрасова	57
✓ Г. В. Плеханов. Н. А. Некрасов	67
Дооктябрьская «Правда» о Некрасове	81

III

✓ А. Луначарский. Н. А. Некрасов	87 —
✓ П. Сакулии. Некрасов	91
✓ В. Евгеньев-Максимов. К вопросу об источниках поэзии Некрасова	109
✓ В. Евгеньев-Максимов. Замечательный редактор и журналист	134 —
✓ К. Чуковский. Некрасов как художник	137
✓ Н. Андреев. Фольклор в поэзии Некрасова	158
✓ Б. Бухштаб. О «муравьёвской оде» Некрасова	183 —
✓ А. Еголин. Некрасов в борьбе за свободную родину	190

Приложения

Краткая хронологическая картина жизни и творчества Н. А. Некрасова	205
Библиография	208